

АГРАРНЫЙ СЕКТОР В НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ (1861–1914 гг.)

Вторая половина XIX – начало XX в. – особая эпоха в истории России. Это было время бурного обновления экономического и социального облика страны, катализатором которого послужили преобразования 1860–1870-х гг. Из аграрной, феодально-крепостнической по строю своих общественных отношений, Россия за сравнительно короткий срок превратилась в аграрно-индустриальную страну с еще достаточно рыхлой сословно-классовой структурой, но уже с четко прослеживающимися чертами современного буржуазного общества. Последнее время исследователи, анализируя основные тенденции пореформенного капиталистического развития страны, как правило, основное внимание уделяют промышленности, формированию современной инфраструктуры (кредитно-финансовой системы, транспортной сети, средств коммуникации и т.п.). Сельское хозяйство чаще всего рассматривается вне связи с общей народнохозяйственной системой, преимущественно в плане тормозящего экономическое развитие фактора, средоточия традиционалистских пережитков (в числе которых засилье дворянских латифундий, общинно-надельное крестьянское землевладение, имущественно-правовая несостоятельность крестьянства и т.п.)

Действительно, отчетливее всего тенденции капиталистической перестройки пореформенной российской экономики прослеживаются именно в торгово-промышленной сфере. По темпам индустриального роста Россия в эти годы занимала одно из ведущих мест в мире. Важными факторами, ускорявшими преобразования в этом секторе экономики, были как расширявшееся и углублявшееся включение страны в мировую хозяйственную систему, так и правительственная протекционистская политика. Так или иначе, на рубеже 1880–1890-х гг. в основном завершился промышленный переворот. За 1880–1913 гг. стоимость промышленной продукции возросла с 1 179.5 до 6 472.1 млн руб., т.е. в 5.5 раза. Причем при среднегодовом приросте промышленной продукции, составлявшем, по последним подсчетам, около 6.65%, дважды, в периоды промышленных подъемов 1890-х гг. и 1909–1913 гг., объем производства практически удваивался¹. Модернизировались старые и формировались новые индустриальные центры, возникали новые, современные производства и целые экономические районы. К 1914 г. в России насчитывалось около 29.3 тыс. фабрично-заводских предприятий. Протяженность железнодорожной сети увеличилась за это время с 22.8 тыс. до 70.2 тыс. верст. Кредитная система включала наряду с Государственным банком и 850 его филиалами свыше 40 крупных акционерных коммерческих банков, более полутора десятков государственных, акционерных и частных ипотечных кредитных учреждений, более тысячи обществ взаимного кредита, 255 городских банков и более 10.5 тыс. кредитных кооперативов и их региональных союзов². Набирал темпы процесс урбанизации страны. Если к 1861 г. в России было 678 городов, то в канун Первой мировой войны их насчитывалось уже 949. Численность городского населения с 5.7 млн возросла к 1897 г. до 14.7 млн, а к 1914 г. достигала уже 23.3 млн человек, т.е. увеличилась более чем в 4 раза и росла почти вдвое быстрее общей численности населения, составлявшей в 1860 г. 74.1 млн, 1880 г. – 97.7 млн и в 1913 г. – 170.9 млн человек³. Фактически численность неземледельческого населения была еще выше, так как значительная часть промышленных предприятий и рабочих (соответственно 57 и 58%) располагалась вне городов⁴. Тем не менее, по данным переписи 1897 г., из 125.6 млн жителей империи

* Корелин Авенир Павлович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

(без Финляндии) сельскохозяйственное население составляло 97 млн человек (77.2%), торгово-промышленное – 21.7 млн (17.3%), непроизводительное – 6.9 млн (5.5%).

В условиях индустриального общества сельское хозяйство действительно всегда и практически везде отстает от развития торговли и промышленности. В России эта закономерность усугублялась сохранением в социально-экономической и политической структурах страны обилия традиционалистских черт, средоточием которых была пореформенная деревня. Общеизвестно, что это в значительной мере обуславливалось компромиссным характером, половинчатостью и незавершенностью реформы 1861 г., в результате которой сформировались две основные формы организации и ведения хозяйства – частновладельческая, в основном дворянско-помещичья, и крестьянская. Оба типа хозяйств с большим трудом адаптировались к товарно-денежным, рыночным отношениям. В отличие от протекционистской промышленной политики, правительство вплоть до середины 1900-х гг. фактически смотрело на деревню лишь как на источник различного рода поступлений в бюджет. Этот взгляд даже получил в свое время теоретическое обоснование. В частности, С.Ю. Витте считал нецелесообразным вкладывать средства в сельское хозяйство. По его мнению, все усилия правительства должны быть направлены на первоочередное развитие промышленности и железнодорожное строительство, которые затем, как локомотив, потянут за собой всю экономику, в том числе и сельское хозяйство, поставляя ему необходимую продукцию, создавая рынок сбыта, транспортные коммуникации и т.д. Ситуация начала меняться лишь в годы столыпинской аграрной реформы, которая фактически должна была завершить процесс освобождения крестьян, создав класс мелких индивидуальных собственников-производителей. В связи с этим процесс капиталистической эволюции российской деревни приобрел весьма сложный и противоречивый характер, что, несомненно, не могло не сказаться не только на характере и темпах развития сельского хозяйства, но и экономики в целом.

Тем не менее определенный прогресс был налицо и в этой важной отрасли. В предреформенные десятилетия здесь явно ощущались кризисные явления. Общие сборы хлебов – этой основы российского земледельческого производства – с начала XIX в. возросли более чем на 40%, что достигалось в основном за счет расширения посевных площадей. Урожайность же за это время не только не выросла, но даже обнаружилась тенденция к ее падению. Да и сами темпы роста общих сборов зерновых были ниже темпов демографического прироста, что привело к уменьшению производства на душу населения⁵.

Статистика не дает сколько-нибудь полных и сопоставимых данных о динамике роста земельных площадей, используемых в сельскохозяйственных целях, поэтому приходится довольствоваться отрывочными сведениями, лишь в общих чертах отражающими этот процесс. По данным известного экономиста Ю.Э. Янсона, к 1875 г. в Европейской России из 458.8 млн десятин земли, находившейся в сельскохозяйственном пользовании, пашня занимала 98.2 млн (21.5%), сенокосы – 54.6 млн (11.9%), леса – 138.6 млн десятин (30.2%), остальные 167.4 млн десятин (36.4%) числились как неудобные. Таким образом, более 1/3 учтенной земли оставалось вне культурного пользования, лишь частично используя для пастбищ⁶. Аграрный кризис несколько приостановил рост посевных площадей. Но уже с конца 1880-х гг. этот процесс вновь стал набирать силу. В 1887 г. только в 45 губерниях. Европейской России площадь пашни составляла 103.8 млн десятин⁷. Сельскохозяйственное производство, особенно зерновое, смещалось на Юг и Юго-Восток – осваивались степные просторы Новороссии, Северного Кавказа, Заволжья. Росла площадь пашни и в Центрально-Черноземном районе, но уже в основном за счет распашки лугов и пастбищ. В нечерноземных губерниях Севера и Северо-Запада размеры пашни несколько сокращались в связи со специализацией хозяйств на посевах технических культур и молочном животноводстве. Особенно форсированными темпами шло расширение посевных площадей с середины 1900-х гг., что было связано с усилившейся крестьянской колонизацией Сибири и Средней Азии. К 1914 г. из 1 995.4 млн десятин общей учтенной по стране площади

в сельскохозяйственном пользовании числилось 516.9 млн (25.9%), в том числе под посевами важнейших сельскохозяйственных культур 107.9 млн (20.9%), под лугами и пастбищами – 39.8 млн (7%), под лесами и кустарниками – 369.2 млн десятин (72.1%)⁸. Резкое увеличение всех показателей дала Сибирь, огромная территория которой начала более интенсивно осваиваться после проведения Транссибирской магистрали и в ходе реализации столыпинской аграрной реформы. В результате крестьянской колонизации сельское население здесь выросло в 1.5 раза, а посевные площади – почти в 2 раза⁹.

Как и прежде, отражая по преимуществу зерновой характер сельскохозяйственного производства, подавляющую часть всей посевной площади занимали хлеба. Но вместе тем заметно возросли, особенно в абсолютном исчислении, посевы технических культур (картофеля, льна, хлопка, свеклы, подсолнечника, табака и т.п., удельный вес которых к 1913 г. возрос по сравнению с серединой 1870-х гг. более чем вдвое – с 3 до 7%), а также садоводство и огородничество. Вместе с тем следует отметить, что еще весьма значительны были, несмотря на острое крестьянское малоземелье, площади неосвоенных земель, для вовлечения которых в культурный оборот требовались большие инвестиции и техника.

Расширение посевных площадей сопровождалось заметным увеличением объемов сельскохозяйственной продукции. Средние за пятилетие валовые сборы зерновых только по 50 губерниям Европейской России, по которым имеются более или менее сопоставимые данные, возросли с начала 1860-х гг. с 1 649 млн (26.4 млн т) до 2 395 млн пудов (38.3 млн т) в середине 1880-х гг. и до 3 690 млн пудов (59 млн т) в предвоенное пятилетие, т.е. увеличились в 2.2 раза¹⁰. Фактически этот рост был значительно выше, если учитывать продукцию украинских регионов империи. Так, общие ежегодные сборы продовольственных хлебов и овса в 1909–1913 гг. составляли в среднем 4.9 млрд пудов (78.4 млн т)¹¹. Темпы роста сборов были хотя и заметно ниже роста объема промышленной продукции, но несколько выше темпов прироста населения, что обусловило увеличение производства хлебов и на душу населения. По подсчетам американского экономиста П. Грегори, средние ежегодные темпы общего прироста продукции сельского хозяйства в 1883–1901 гг. составляли около 2.5%, 1901–1913 гг. – 3%, рост на душу населения – около 1%. Причем уровень прироста продукции вдвое превосходил темпы прироста населения (1.3%)¹².

Важно отметить, что увеличение сборов достигалось не только за счет расширения посевных площадей, но и за счет некоторого роста урожайности и интенсивности земледельческого труда. Уже сопоставление динамики роста объемов сборов и посевных площадей показывает, что первые росли явно быстрее. Это могло иметь место лишь при условии роста урожайности. И действительно, средние данные по губерниям Европейской России об урожайности хлебов на крестьянских землях по десятилетиям показывают, что если в 1861–1870 гг. она составляла 29 пудов с дес. (4.6 ц), 1871–1880 гг. – 31 пуд (около 5 ц), то в 1881–1890 гг. – уже 34 пуда (5.4 ц), 1891–1900 гг. – 39 пудов (6.2 ц), а в 1901–1910 гг. – 43 пуда (6.9 ц), т.е. возросла в 1.5 раза. Несколько выше она была в помещичьих экономиях, ведшихся за счет владельцев, и значительно ниже – на помещичьих землях, сдававшихся крестьянам в краткосрочную аренду¹³. В целом по этому показателю земледельческое производство в России значительно отставало от большинства западных стран (см. табл. 1), что являлось следствием господства отсталых систем полеводства, низкой механизации сельскохозяйственных работ, незначительности вносимых в почву удобрений.

При этом для России были характерны резкие колебания урожайности и сборов, что свидетельствовало не только об обширных зонах рискованного земледелия, но и о сравнительно низкой культуре обработки земли. За период 1880–1914 гг. в стране было по меньшей мере 10 неурожайных лет, и это тяжело отражалось на экономике и положении деревни.

Еще медленнее, чем земледелие, развивалась другая важная отрасль сельского хозяйства – животноводство. Накануне 1861 г. в России имелось 18.6 млн лошадей, 26.2 млн голов крупного рогатого скота, 9.7 млн свиней и 52.2 млн овец и коз. В 1914 г.

**Урожайность важнейших сельскохозяйственных культур в 1911–1914 гг.
(в пудах с десятины)***

Страны	Пшеница	Рожь	Овес	Картофель
Россия	45	54	52	489
США	69	68	77	440
Франция	86	68	83	570
Англия	146	—	119	1012
Германия	146	120	127	904

* Составлено по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 117–418.

насчитывалось уже 34.4 млн лошадей, 51.3 млн голов крупного рогатого скота, 78.7 млн овец и коз и 16.6 млн свиней. В абсолютном исчислении общая численность поголовья скота возросла за это время почти вдвое. Несколько увеличилось количество скота, приходившееся на площадь посевов: в переводе поголовья на крупный рогатый скот в 1881 г. приходилось на 100 десятин посевов 46, а в 1912 г. – 50 голов. Но в целом равновесие между земледелием и скотоводством, нарушенное еще в середине XIX в., не было восстановлено и в начале XX в. Количество же скота, приходившееся на душу сельского населения, даже уменьшилось: в 1864–1869 гг. на 100 человек приходилось 50 голов скота, в 1881 г. – 44, а в 1912 г. – 38 голов¹⁴. Данные эти, собранные Главным ветеринарным управлением, видимо, несколько занижены (как показывает сравнение их с материалами сельскохозяйственных переписей), но в целом они, видимо, верно отражают тенденции в состоянии животноводства.

Важной чертой в развитии сельскохозяйственного производства было усиление его торгового характера. В земледелии эта тенденция достаточно наглядно прослеживается при анализе уже приведенных выше данных о структуре посевных площадей и производстве основных сельскохозяйственных культур. Так, площадь, занятая в основном рыночными техническими культурами, заметно возросла – с 1880-х гг. до 1914 г. удельный вес их в общей массе посевов увеличился с 3 до 7–8%. И хотя зерновые по-прежнему занимали подавляющую часть посевов, в их структуре также произошли весьма характерные изменения. На рубеже 1870–1880-х гг. до 36% площадей, занятых хлебами, отводилось под рожь, основную продовольственную культуру для крестьян; овес, также использовавшийся главным образом в хозяйствах производителей, занимал 18% пашни; пшеница и ячмень, производившиеся, как правило, на продажу, занимали соответственно 17 и 7%, остальное приходилось на гречиху, просо и т.д.¹⁵ Еще в 1901–1905 гг. ржи отводилось 31.2% всех посевов и она давала 34.7% всех сборов зерновых. Но на второе место уже вышла пшеница, имевшая соответственно показатели 24.3 и 25.5%, на третьем оказался овес – 18.6 и 20.2%, затем ячмень – 9.7 и 11.2%¹⁶. К 1914 г. пшеница, ставшая главной экспортной культурой, занимала уже 30.6% посевов и давала 30.2% сборов зерновых; рожь переместилась на второе место – соответственно 26.1 и 30.0%; несколько снизилась доля овса (17.4 и 18.1%) и повысилась доля более товарного ячменя (12.1 и 12.8%)¹⁷. Причем по производству пшеницы Россия в конце XIX – начале XX в. почти сравнялась с США, собирая ежегодно в среднем более 1 млрд пудов (около 16 млн т). Обе страны были крупнейшими ее производителями и экспортерами, не очень разнясь вначале и по показателям урожайности, что свидетельствовало об одинаково экстенсивном характере производства. Правда, уже в середине 1900-х гг. урожайность и общий объем производства пшеницы в США росли значительно быстрее, чем в России¹⁸.

Постепенно торгово-промышленная и аграрная сферы оказывались во все большей взаимосвязи. Каковы же были место и роль аграрного сектора в социально-

экономической структуре народного хозяйства и каково было взаимовлияние этих важнейших отраслей российской экономики? Одной из важнейших задач сельскохозяйственного производства являлось обеспечение населения продовольствием. Внутренний продовольственный рынок в России постоянно расширялся. Это обуславливалось ростом численности неземледельческого населения, а также специализацией самого сельского хозяйства. Запросы рынка требовали повышения товарности производства. Общее и наиболее наглядное представление о динамике этого процесса дают данные о перевозке хлебных грузов, т.е. об объеме товарных фондов зерновых. В 1850–1860 гг. на внедеревенский рынок поступало около 15% производившегося зерна, в конце века – около 18–20%, а в канун Первой мировой войны, по разным подсчетам, от 26 до 33%. Причем товарность помещичьих экономий, в предвоенные годы производивших всего около 12% всей земледельческой продукции, составляла 47–50%. Для крестьянских хозяйств этот показатель был едва ли не вдвое ниже – в среднем 23–30%, в том числе для зажиточной их части – около 34%, для остальной массы крестьянства, производившей около половины всего хлеба, около 15%¹⁹. Таким образом, в связи с особенностями мелкокрестьянского производства основная масса зерна (до $\frac{3}{4}$) потреблялась в хозяйствах самих производителей и не выходила из внутридеревенского оборота. И тем не менее средние ежегодные фонды товарного зерна в России составляли в 1890–1895 гг. более 550 млн пудов (8.8 млн т), 1896–1900 гг. – более 919 млн (14.7 млн т), 1901–1905 гг. – 1 237 млн (19.8 млн т), 1906–1910 гг. – 1 339 млн (21.4 млн т) и в 1911–1913 гг. – 1 317 млн пудов (21.1 млн т). Цифры эти несколько занижены, так как не учтены гужевые перевозки, а за 1890–1900 гг. – и водные²⁰.

За четверть века масса товарного зерна увеличилась, по крайней мере, вдвое. Значительная часть ее приходилась на экспорт. Еще в 1880–1890-х гг. Россия экспортировала более половины товарного хлеба. Но внутренний рынок расширялся, и в 1900–1913 гг. уже более половины произведенного на продажу зерна шло на внутреннее потребление: в 1901–1905 гг. – 607.6 млн пудов (50.9%), 1906–1910 гг. – 613 млн пудов (54.2%). В 1911–1913 гг. при общем возрастании товарной массы зерна (672.3 млн пудов) удельный вес поставок на внутренний рынок несколько сократился (49%), что, возможно, было связано с крупным недородом 1911 г.

Хлебные грузы составляли большую часть товарных перевозок. Но в начале XX в. доля их, хотя и медленно, начала сокращаться (см. табл. 2). Приведенные данные свидетельствуют, что при росте абсолютных показателей по всем видам продукции в процентном отношении заметно выросла доля технических культур и несколько сократилась доля хлебных грузов, особенно продукция животноводства.

В нашем распоряжении нет прямых сведений о распределении товарных излишков сельскохозяйственного производства, шедших на продовольственные нужды промышленного и вообще неземледельческого населения. Известно лишь, что значительная часть товарного хлеба ввозилась, например, в районы, где по тем или иным причинам собственное производство не удовлетворяло местные потребности. В канун мировой войны из 64 губерний Европейской России (с Польшей и Северным Кавказом) 34 ввозили хлеб и лишь 20, главным образом южные и юго-восточные, имели его в избытке. Причем со специализацией сельского хозяйства, с расширением зоны продуктивного животноводства, ростом производства технических культур, развитием промышленности и т.д. потребность в хлебе потребляющими губерниями возросла с 83.8 млн пудов в год в 1880–1883 гг. до 181.2 млн в 1907–1910 гг., т.е. более чем удвоилась, а его предложение производящими губерниями увеличилось за это время с 356.1 млн пудов до 982.4 млн, т.е. почти утроилось²¹.

В дореволюционной, советской и постсоветской литературе предпринят ряд попыток определить хлебный баланс России, исходя из расчета потребления важнейших зерновых культур на душу населения. Вычтя из общих сборов зерна в Европейской России экспорт, расходы на посев и поделив остаток на общую численность населения, получим приблизительную цифру среднего душевого потребления (см. табл. 3).

Таблица 2

Стоимость перевезенной железнодорожным и водным транспортом сельскохозяйственной продукции (за вычетом экспорта)*

	1901–1905 гг.		1911–1913 гг.	
	в млн руб.	в %	в млн руб.	в %
Хлебных грузов	1 053	54.2	1 359	53.9
Продуктов интенсивного земледелия	437	22.5	684	27.2
Продуктов животноводства	454	23.3	477	18.9
Всего	1 944	100	2 520	100

* Составлено по: *Огановский Н.П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок. М., 1924. С. 23.

Таблица 3

Средние размеры душевого потребления хлебов населением Европейской России в 1893–1913 гг. (в пудах)*

Годы	Рожь	Пшеница	Ячмень	Овес	Всего зерновых	Всего продовольственных хлебов
1893–1897	10.5	3.9	2.3	5.4	22.1	16.7
1898–1902	10.6	5	2.4	5.6	23.6	18
1903–1907	9.5	5.1	2.5	5.4	22.5	17.1
1908–1912	9.3	5.5	2.7	5.6	23.1	17.5
1909–1913	8.3	6.5	2.6	5.4	22.8	17.4

* Составлено по: Производство, перевозки и потребление хлебов в России, 1909–1913 гг. Вып. 1. Пг., 1917. С. VII.

Приведенные данные свидетельствуют, что средние размеры душевого потребления за 20 предвоенных лет держались на одном уровне. Вместе с тем в структуре потребления продовольственных хлебов повысилась доля пшеницы, что говорит о некотором улучшении пищевого рациона населения. Приняв за среднюю норму годового потребления 15–16 пудов на человека, исключив экспорт, расходы на помол, включив в расчеты данные о снабжении сырьем промышленности, исследователи получили следующую картину. В крестьянских хозяйствах в 1880-х гг. оставалось на семена, хозяйственные нужды и потребление 75.8% общего количества зерна; в 1912–1913 гг. – 73.8%. За это же время доля зерна, предназначавшаяся для удовлетворения нужд городского населения, возросла с 6.8 до 9.1%; доля промышленного сырья в связи с использованием для производства спирта картофеля сократилась с 3.2 до 0.5%²².

Надо отметить, что по вопросу о потребительской норме и пищевом рационе населения, особенно крестьянства, до сих пор ведутся дискуссии: одни исследователи склонны считать преувеличением выводы о тяжелом продовольственном положении основной массы населения, другие придерживаются традиционных взглядов о постоянном недоедании деревни. Как всегда, истина, видимо, находится где-то посередине. Следует признать, что взятая экономистами норма потребления в 15–16 пудов была, очевидно, вполне достаточна для городского населения – с учетом более разнообразного пищевого рациона горожан. По самым же минимальным подсчетам, для продовольствия крестьянской семьи требовалось не менее 18 пудов на человека и не менее 7.5 пудов на корм скоту. Таким образом, для простого воспроизводства хозяйству требовалось не менее 25 пудов на душу, что было заметно выше средних душевых сборов продовольственных и кормовых хлебов. Недостаток хлеба крестьяне во все большей степени восполняли картофелем: в 1909–1913 гг. для питания его было использовано

**Среднее душевое потребление важнейших продуктов питания в Москве в 1898–1912 гг.
(в пудах)***

Продукты	Годы	1898–1902	1903–1907	1908–1912
Ржаная мука		6.33	6.29	5.55
Пшеничная мука		4.67	5.16	4.85
Крупа и пшено		2.46	1.66	1.46
Картофель		2.67	2.36	2.48
Мясо		5.12	4.76	4.59
Рыба		1.37	1.31	1.31
Сахар		2.05	1.68	1.98
Соль		1.15	1.17	1.28

* Составлено по: Потребление важнейших предметов массового обихода в Москве. Труды статистического отдела Московской городской управы. Вып. IV. М., 1916. С. 45.

около 2.1 млрд пудов, т.е. 12.6 пуда на человека. Как известно, значительная часть крестьян, вынужденная продавать хлеб осенью, затем покупала его весной, но уже по более высокой цене, что весьма важно для определения характера товарности крестьянского хозяйства, в какой-то степени вынужденной. В то же время деревня, несомненно, выиграла в связи с ростом цен на продовольствие, о чем свидетельствуют данные о крестьянских накоплениях в сберегательных кассах, достигшие к кануну войны внушительной суммы.

О продовольственном снабжении крупных городов страны в конце XIX – начале XX в. мы можем судить по данным московской городской управы (см. табл. 4).

За 15 предвоенных лет население Москвы выросло с 1 129 тыс. до 1 526 тыс. человек. За это время привоз основных продуктов питания в абсолютных цифрах также увеличился по всем показателям, но в расчете на душу населения почти по всем видам продуктов отмечалось снижение потребления. Таким образом, общий подвоз продуктов несколько отставал от прироста населения. Определенную роль в сокращении потребления могло сыграть довольно существенное (более чем на треть) повышение цен. За 1900–1909 гг., например, хлебные изделия подорожали на 32.9%, продукты животноводства – на 34.6%²³. Но в целом, видимо, можно сказать, что в Москве, как и в других городах, в то время не ощущалось острой продовольственной проблемы, хотя потребление различных слоев населения было весьма различно по ассортименту и качеству.

Снабжение городов продовольствием зависело от ряда факторов, в том числе от их расположения, путей сообщения, уровня развития торговли и промышленности. Вокруг крупных городских центров складывались собственные специализированные сельскохозяйственные зоны, обеспечивавшие горожан продовольствием (овощами, мясом, молочными продуктами и т.п.). В небольших городах, особенно удаленных от путей сообщения, значительная часть жителей, нередко до четверти населения, занималась сельскохозяйственным производством – огородничеством, садоводством и т.п.

Другая часть товарной продукции шла на обеспечение сырьем промышленности, на $\frac{2}{3}$ базировавшейся на переработке отечественной сельскохозяйственной продукции. Темпы развития перерабатывающих отраслей легкой промышленности были достаточно высоки: в рассматриваемый период стоимость их продукции увеличилась в несколько раз, что потребовало и соответствующего расширения сырьевого рынка. Одной из ведущих отраслей этого профиля была текстильная промышленность. Стоимость ее продукции увеличилась с 1896 по 1910 гг. с 732.5 млн до 1 682.9 млн руб., т.е. почти в 2.3 раза. Здесь лидирующие позиции занимала хлопчатобумажная отрасль – 70% общей стоимости. Вплоть до начала 1880-х гг. текстильные фабрики работали почти исключительно на импортном, главным образом американском хлопке. Затем в

Средней Азии и Закавказье начало развиваться отечественное хлопководство, вскоре приобретшее промышленный характер. Вместо местных сортов при активном участии торгово-промышленных фирм, заводивших собственные плантации, интенсивно внедрялся американский хлопчатник. Однако вскоре, видимо, вследствие особенностей и трудоемкости хлопковой культуры, преобладания ручного труда, производство хлопка сосредоточилось в руках мелких производителей-дехкан, арендовавших небольшие участки земли и получавших у фирм – чаще всего через посредников-торговцев – необходимые кредиты для покупки семян, рабочего скота, продовольствия и т.д. Особый размах хлопководство приобрело с завершением строительства Среднеазиатской и Закавказской железных дорог. За 1888–1914 гг. посевы хлопчатника увеличились почти в 7.5 раз (с 68.5 тыс. до 508.4 тыс. десятин), валовые сборы хлопчатника-сырца – почти в 12.5 раз (с 2.27 млн до 28.8 млн пудов). В производящих регионах появились хлопкоочистительные и маслобойные предприятия – совершенно новые для этих регионов отрасли промышленности. Но все же собственная сырьевая база для хлопчатобумажной промышленности оставалась недостаточной. Малопроизводительный труд дехкан, малоземелье, недостаточное орошение, ростовщически-кабальные условия кредита – все это не давало возможности поставить хлопководство на широкую промышленную основу. Доля отечественного хлопка составляла в 1890 г. 23.8%, а в 1910 г. – 50.9% переработанного сырья²⁴.

Вторая по стоимости произведенной продукции отрасль, шерстяная (стоимость продукции здесь за то же время увеличилась со 187.5 тыс. до 306.7 тыс. руб.), также работала в основном на импортном сырье. Причина была в том, что рунное овцеводство в ряде районов страны было вытеснено зерновым производством и хлопчатником. В результате тонкая шерсть почти на $\frac{3}{4}$ ввозилась из-за границы. На импортом сырье работала и шелковая промышленность, хотя для разведения шелковичных червей в стране имелись необходимые условия. Но в связи со слабым развитием шелкомотальных предприятий выращенные коконы отправлялись во Францию и лишь затем в качестве полуфабриката вновь попадали в Россию, что значительно удорожало производство. Зато льняная отрасль, продукция которой вытеснялась более дешевыми хлопчатобумажными тканями, хотя и увеличила производство в 2.7 раза, не использовала в полной мере имеющееся сырье, которое во все больших размерах вывозилось за границу.

В пищевой промышленности сравнительно высокой организацией и крупными объемами производства выделялись мукомольная, свеклосахарная и винокуренная отрасли. Мукомольное производство начало приобретать промышленный характер лишь с начала 1880-х гг., что было связано с внедрением паровых двигателей. До этого оно в силу сравнительно небольшого спроса, сложностей с перевозкой зерна представляло собой мелкое, по преимуществу сугубо местное ремесленное производство (водяные, ветряные мельницы и крупорушки). В 1880 г. насчитывалось всего 312 паровых мельниц. Затем число их стало быстро расти: в 1890 г. их было уже 862, а к 1908 г. – 2 416. Но еще в начале XX в. здесь преобладали мелкие предприятия, перерабатывавшие зерно для местного потребления. Всего к этому времени насчитывалось 14.4 тыс. различного рода мельниц и крупорушек, которые перерабатывали 1 286.2 млн пудов зерна, но лишь немногим более половины (657.3 млн пудов) приходилось на промышленные предприятия. Последние вели и крупную хлебную торговлю, закупая зерно на рынках и получая его по заключенным с производителями контрактам.

Примерно такое же положение было в винокурении, где также преобладали сельские винокуренные заводы, принадлежавшие преимущественно помещикам. В 1893 г. насчитывалось 2 097 заводов, из которых только 189 представляли собой предприятия промышленного типа. Все вместе они производили 77 089 ведер спирта (1 ведро – 0.123 гектолитра). К 1913 г. общее количество заводов увеличилось до 3 029. Число же промышленных предприятий уменьшилось до 159, но в техническом отношении они стали значительно мощнее и совершеннее. Общее производство спирта возросло до 139 475 ведер. В 1870–1880-х гг. заводы использовали в качестве сырья около 3% товарного зерна (72–85 млн пудов). Затем основным сырьем стал картофель. Большую

часть его поставляли заводские плантации: в середине 1890-х гг. – 72%, а к 1913 г. – более 85%²⁵.

Сахарное производство требовало вложения крупных капиталов, а поставляемое сырье должно было отвечать определенным кондициям. В этой отрасли традиционно сильны были позиции помещиков-латифундистов, сумевших модернизировать старые заводы. Внедрение паровых двигателей, новых технологий (диффузии вместо прессования) увеличило производительность труда примерно втрое. Господствующие позиции здесь принадлежали сравнительно небольшому числу предприятий (в 1894 г. – 228, в 1913 г. – 293), при которых были крупные свекольные плантации. За предвоенные 20 лет общие площади посевов сахарной свеклы выросли с 311 тыс. до 669 тыс. десятин (в 2.1 раза), общие сборы – с 33.6 млн до 75.3 млн берковцев (в 2.2 раза)²⁶. Заводские плантации давали около трети необходимого сырья, около половины поставляли окрестные помещичьи экономии, остальное закупалось у крестьян, главным образом через кооперативы, которые заводы снабжали кредитом, семенами, удобрениями, а при необходимости и техникой.

В целом можно считать, что ведущие отрасли пищевой промышленности были в достаточной мере обеспечены сырьем. То же самое можно сказать и о табачной, маслобойной, пивоваренной, крахмальной и других отраслях. Анализ их развития показывает прогрессивное воздействие промышленности на сельское хозяйство в плане его интенсификации, внедрения новых культур, передовых технологий, обеспечения кредитами и т.д. Однако важными факторами, тормозившими развитие как перерабатывающих отраслей, так и самого сельского хозяйства, оставались отрыв значительной части сырьевой базы от промышленных центров, плохое состояние путей сообщения, особенно местных, слабое развитие предприятий по хранению, сортировке, первичной обработке сельскохозяйственной продукции, низкий уровень организации торговли. Крайне негативно это сказывалось на состоянии животноводства и мясомолочной промышленности. Отрасли по переработке продуктов животноводства долгое время оставались на стадии мелкого ремесленного производства. Но и с формированием промышленного рынка развитие их сдерживалось отсутствием холодильных установок, условиями перевозок, слабой базой консервирования продуктов. Маслоделие и сыроварение использовали всего около 20% молочной продукции. Даже после постройки важнейших железных дорог, связавших экспортные центры и потребляющие регионы с производящими, крайний недостаток вагонов-рефрижераторов сдерживал как производство, так и переработку и реализацию этой важной продукции. То же самое можно сказать и о скоропортящихся продуктах садоводства и огородничества. Не была обеспечена собственным сырьем кожевенная отрасль, в значительной мере ориентированная на импорт кож из Германии. Зато мощности крахмальных заводов не отвечали возможностям сырьевой базы²⁷.

Являясь основным поставщиком сырья и продовольствия для неземледельческих сфер экономики, аграрный сектор являлся и крупнейшим потребителем промышленной продукции, во многом определяя объем и структуру как рынка сбыта, так и самого промышленного производства. Спрос деревни был двояким – потребительским и производственным. Оба они определялись как платежеспособностью потребителей, так и уровнем развития самой промышленности.

Итак, произведенная промышленностью продукция, стоимость которой в 1913 г. составляла около 6.5 млрд руб., в подавляющей части реализовывалась внутри страны. Причем тяжелая индустрия – главный поставщик товаров производственного назначения, являлась и основным потребителем своей продукции. В конце XIX – начале XX в. 70–75% произведенного металла использовались для нужд самих предприятий и железных дорог и лишь 25–30% шло на массовый, в основном городской рынок. В целом потребление металла в стране на душу населения было крайне низким. И хотя этот показатель за 1880–1913 гг. вырос в 6 с лишним раз (с 0.28 до 1.7 пудов), Россия в этом отношении далеко отставала от передовых западных стран.

Откликаясь на потребности сельского хозяйства, в промышленности уже в конце XIX в. начала формироваться специальная отрасль сельскохозяйственного машиностроения. К 1914 г. в России было уже 514 предприятий такого профиля. Правда, большинство из них представляло собой мелкие заведения, выпускавшие простейшие сельскохозяйственные орудия и занимавшиеся ремонтом техники. Крупных предприятий было около 100, но они давали 85% всей продукции этой отрасли. В целом же отечественное сельскохозяйственное машиностроение, потреблявшее, кстати, всего 7–8% металла, далеко не удовлетворяло спрос, который почти наполовину покрывался импортом. За рассматриваемый период стоимость реализованной в стране сельскохозяйственной техники и орудий возросла почти в 15 раз – с 7.9 млн руб. в 1879 г. (импорт – 4 млн, внутреннее производство – 3.9 млн руб.) до 116.2 млн руб. в 1912 г. (импорт – 63.5 млн, внутреннее производство – 52.6 млн руб.)²⁸. Потребителями машин являлись, как правило, капитализированные помещичьи экономии, а также зажиточные крестьянские хозяйства, в основном южных и юго-восточных губерний и Сибири. Основная масса крестьян приобретала сравнительно дешевые простейшие орудия (вилы, косы, грабли, серпы и т.п.), в лучшем случае плуги. Судя по проведенной в 1910 г. переписи, из 14 млн орудий для вспашки железные плуги и другой усовершенствованный инвентарь составляли всего 33.7%, из 17.5 млн борон полностью железных было около 2%, сельскохозяйственных машин разного назначения насчитывалось около 2.7 млн штук на примерно 15 млн хозяйств²⁹. Не обеспечивала отечественная промышленность и спрос на искусственные удобрения, потребность в которых особенно выросла со второй половины 1900-х гг. Спрос на минеральные удобрения ввиду их дороговизны и финансовой маломощности деревни был сравнительно невелик, но и он покрывался внутренним производством, хотя и выросшим за предвоенное пятилетие почти в 2.5 раза, менее чем на треть. В 1912 г. из 46 млн пудов реализованных удобрений внутри страны было произведено только 13 млн пудов, т.е. 28.3%³⁰.

Что же касается потребительского спроса на промышленную продукцию, то и в этом плане ее реализация сдерживалась сравнительной узостью деревенского рынка. Несмотря на быстро прогрессирующий процесс разрушения фабричным производством натурального характера крестьянского хозяйства, его специализации и отделения промыслов от земледелия, общий объем потребительского рынка был явно недостаточен. В результате даже текстильные фирмы вынуждены были искать внешние рынки, экспортируя свою продукцию в страны Ближнего и Дальнего Востока (Китай, Персию). Всего же, по подсчетам С. Маслова, в 1912 г. крестьяне, составлявшие $\frac{3}{4}$ населения страны, приобрели промышленных товаров на 1.75–2 млрд руб., что составляло лишь около 30% стоимости произведенной продукции³¹.

Своеобразной была ситуация с сельским рынком для продуктов пищевой промышленности. Крупные, промышленного типа мукомольные предприятия реализовывали свою продукцию в основном в городах и промышленных центрах. Крестьяне же закупали недостающий им для продовольствия хлеб в виде зерна и поставляли его для помола на мелкие местные предприятия сельского типа, что значительно сужало рынок сбыта для промышленности. В сахаро-рафинадной отрасли поставки продукции на внутренний рынок определялись не столько спросом, сколько политикой предпринимателей и государства. Здесь с 1887 г. функционировало объединение сахарозаводчиков картельного типа (в него входили 206 из 226 предприятий), которое нормировало производство для каждого завода и устанавливало норму для реализации продукции на внутреннем и внешнем рынках. Целью соглашения было поддержание цен на сахар на достаточно высоком уровне. С середины 1890-х гг. эту функцию взяло на себя государство. В винокуренной промышленности предприятия фактически вообще не имели дело со свободным рынком, так как торговля была полностью монополизирована казной.

Важным фактором воздействия аграрного сектора на процесс развития промышленности являлось создание рынка рабочей силы и формирования кадров промышленных рабочих. Ядро индустриального пролетариата на первых порах составляли рабочие мануфактур, ремесленники, имевшие необходимые навыки, опыт и знания. Но

в условия бурного роста промышленности этот контингент не мог покрыть нехватку рабочих кадров. В начале 1860-х гг. в крупной промышленности было занято 674 тыс. рабочих, к 1880 г. численность их выросла примерно до 1 млн. Еще через 20 лет их было уже около 3 млн, а с учетом рабочих мелкой промышленности, строителей и т.д. – более 8 млн человек. К 1914 г. в неземледельческих сферах экономики оказалось занято 11.7 млн рабочих, в том числе в крупной промышленности и на транспорте – около 4 млн³². К тому времени уже значительную часть пополнения (до 40%) давали семьи потопленных рабочих, но они не могли покрыть потребность в рабочей силе.

Важнейшим источником пополнения рынка рабочей силы была и оставалась деревня. Уже в результате реформы 1861 г. были обезземелены и фактически пролетаризованы около 4 млн крестьян. Масса эта быстро росла, пополняясь к тому же многомиллионной армией крестьян, ухивших на неземледельческие заработки, но сохранявших связь с землей. Несмотря на обширность рынка и избыток свободных рабочих рук, в стране сложилась парадоксальная на первый взгляд ситуация. С одной стороны, предприятия постоянно испытывали нехватку рабочих кадров, а с другой – промышленность и город в целом не могли утилизировать всю резервную рабочую силу. В ходе официального обследования, проведенного в начале 1900-х гг., было установлено, что в деревнях центральных губерний Европейской России существует скрытое аграрное перенаселение: численность «лишних» рабочих рук власти определили в 23 млн душ³³. Несмотря на высокие темпы развития промышленности и бурный рост городов эта масса продолжала увеличиваться, достигнув, по расчетам А.М. Анфимова, колоссальной цифры – 32 млн³⁴. Таким образом, резервная армия труда почти втрое превысила численность всех рабочих, занятых в неземледельческих сферах. Это обстоятельство, давившее на рынок труда, было одним из существеннейших факторов, обусловивших крайнюю дешевизну рабочей силы в России и усугублявших невысокую в целом покупательную способность населения. С другой стороны, оно же явилось одной из причин, тормозивших технический прогресс в промышленности и сельском хозяйстве.

Наконец, важным фактором взаимодействия отраслей экономики являлся процесс накопления и перемещения капиталов. Аграрный сектор давал значительную часть свободных средств. Одним из существенных каналов их поступлений была экспортная торговля. Если в первое пореформенное 20-летие внешнеторговым дефицитом были отмечены 11 лет, то впоследствии вплоть до начала Первой мировой войны (за исключением 1899 г.) для внешней торговли России было характерно положительное сальдо. Правительство последовательно придерживалось курса на увеличение экспорта. Нужды промышленного развития страны требовали ввоза машин, станков, металла, хлопка, красителей и т.д., что требовало форсированного поступления валюты. Валюта необходима была и для платежей по зарубежным займам. В целом внешнеторговый оборот России за 1861–1913 гг. вырос в 8.4 раза, в том числе за 1881–1913 гг. – в 2.8 раза, достигнув в канун войны объема 2.9 млрд руб. (1.5 млрд руб. – вывоз и 1.4 млрд – ввоз)³⁵. При этом сельскохозяйственная продукция в стоимости экспорта составляла 75–80%. Первое место в ее структуре занимал хлеб. В первое пореформенное пятилетие хлебные грузы (пшеница, рожь, овес, ячмень, мука, отруби) составляли в общей стоимости экспорта около 33% (301 млн руб.). Затем этот показатель значительно возрос, превысив в 1880-х гг. половину стоимости всего вывоза (в среднем 52.3%). В дальнейшем он постоянно колебался – от 34.5% в 1892 г. до 57% в 1894 г., отражая колебания хлебных цен на мировом рынке.

Экспорт зерновых рос быстрее их сборов. В результате, если в 1861–1865 гг. Россия вывозила около 4–5% собранного урожая (в среднем 86.2 млн пудов), то в 1896–1900 гг. – около 15% (по 444.2 млн пудов). В 1910 г. экспорт хлеба составил 847 млн пудов (18% сбора), а его ценность за предвоенное пятилетие (1909–1913 гг.) превысила 3.4 млрд руб., т.е. в среднем составляла более 675 млн руб. ежегодно. Второе место в структуре сельскохозяйственного экспорта занимал лен, затем семена масличных культур, пенька, шерсть и т.д. С середины 1870-х гг. и особенно в период предвоенного

промышленного подъема на 2–3 место вышел вывоз древесины. В целом в 1913 г. весь экспорт сельскохозяйственных продуктов оценивался в сумму около 1.2 млрд руб., т.е. составлял 78.8% всей стоимости экспорта³⁶.

Другим каналом поступления средств для развития и модернизации промышленности, а отчасти и самого сельского хозяйства, служила ипотечная кредитная система, сформировавшаяся в основном в 1870–1880-х гг. Уже в 1885 г. общая задолженность частного землевладения составила сумму в 650.8 млн руб. Через 10 лет в кредитных учреждениях было заложено 48.4 млн десятин земли (42% общей площади частного землевладения), выданные под залог земли ссуды превысили 3.9 млрд руб. В 1914 г. заложено и перезаложено было уже 66.5 млн десятин (60% частного землевладения), сумма выданных ссуд составила более 3.9 млрд руб., а остаток капитального долга равнялся 3.7 млрд руб. В целом объем выданных ипотечных ссуд превышал общую сумму акционерных капиталов, функционировавших в промышленности. На 1 мая 1914 г. последние оценивались в 3.4 млрд руб.³⁷ Ссуды выдавались из сумм, полученных от реализации закладных листов ипотечных банков, посредством которых мобилизовывались свободные капиталы. К 1913 г. из общей стоимости биржевых ценностей, оценивавшихся в сумму около 21 млрд руб., на государственные ипотечные бумаги (Дворянского и Крестьянского банков) приходилось 2 млрд (9.6%), стоимость закладных свидетельств акционерных земельных банков составляла 3 млрд (14%), а на долю иностранных капиталов приходилось 10% номинальной стоимости всех государственных ипотечных бумаг, находившихся в обращении³⁸. Значительную сумму составляли и средства, мобилизованные в качестве вкладов учреждениями мелкого кредита, в основном сельскими кредитными кооперативами, которые за предвоенное пятилетие выдали своим членам в качестве ссуд, в том числе и на производственные цели, около 2.5–3 млрд руб.³⁹

В нашем распоряжении нет прямых данных об использовании капиталов, полученных от экспорта и в качестве ипотечных ссуд. Однако ясно, что поступив в сферу обращения, полученные средства так или иначе вовлекались в различные отрасли народного хозяйства. В частности, ипотечный кредит в своей существенной части опосредовал процесс мобилизации земли. Часть его использовалась непосредственно для реорганизации старых и строительства новых предприятий или для покупки ценных бумаг, пополняя капиталы акционерных предприятий и фирм, другая часть шла на модернизацию частновладельческих имений. Проведенный Н.А. Проскуряковой анализ отчетов Дворянского земельного банка показал, что удельный вес клиентов, использовавших ссуды в производительных целях в своих хозяйствах или заложивших имения «для помещения капиталов в промышленные предприятия или вообще для извлечения из капитала более высокого дохода», в 1914 г. составлял примерно 55%⁴⁰. В то же время, распространенное представление о сельском хозяйстве России как о едва ли не основном источнике средств для финансирования государством индустриализации остается спорным. По крайней мере, при анализе государственного бюджета эта связь не прослеживается.

Итак, динамика развития сельского хозяйства затрагивала все стороны этой важной отрасли, отражаясь и в росте посевных площадей, и в продуктивности использования ресурсов, и в увеличении объемов продукции, и в специализации хозяйств, и в повышении их товарности. Побудительные мотивы к капиталистической перестройке имелись и в самой отрасли, и в еще большей степени – в запросах и влиянии торгово-промышленной сферы. В этом плане в чем-то был прав С.Ю. Витте, рассчитывавший на активнейшую роль промышленности и транспорта в развитии сельского хозяйства. В то же время, ни промышленность, ни сельское хозяйство пока еще не могли в сколько-нибудь достаточной мере удовлетворить свои потребности за счет внутренних ресурсов. Были сделаны лишь первые шаги и в процессе формирования агропромышленных комплексов. Более того, народное хозяйство лишь начало преодолевать внутреннюю разбалансированность, явившуюся результатом реформ и правительственной политики. В частности, виттевская индустриализация коснулась, в основном, крупной

промышленности, менее всего связанной с сельским хозяйством и массовым рынком, мелкая и кустарная промышленность фактически были предоставлены заботам земств, не располагавших сколько-нибудь серьезными материально-финансовыми ресурсами. За общими, агрегированными показателями, свидетельствующими о достаточно динамичном развитии аграрного сектора в целом, стояли и удручающие по своим характеристикам данные о состоянии сельского хозяйства по отдельным регионам, главным образом в старых традиционных земледельческих губерниях.

Для аграрного сектора характерной оставалась социально-экономическая мозаичность, многоукладность, нашедшая наиболее яркое воплощение в симбиозе помещичьих и крестьянских хозяйств. Оба типа хозяйств с большим трудом адаптировались к рыночным отношениям. Помещичьи экономии, несмотря на правительственную поддержку, лучшую техническую оснащенность и более высокую товарность, постепенно сдавали свои позиции на рынке. Доля помещичьих посевов за пореформенные 50 с лишним лет сократилась с 21.9 до 11.3%, удельный вес производимого помещиками товарного хлеба упал с 50 до 21.6%⁴¹. Крестьянское хозяйство все более занимало доминирующие позиции и в производстве, и на рынке. Но при этом оно оставалось мелко-товарным. По подсчетам С.Н. Прокоповича, к 1913 г. в Европейской России товарность зерновых составляла всего 27.5%, технических культур – 51.9, картофеля – 19, продуктов садоводства и огородничества – 18, продуктов животноводства – 33, лесоводства – 23.3%⁴². В ходе реализации столыпинской реформы правительство рассчитывало поднять продуктивность крестьянских хозяйств не только путем ликвидации общины и насаждения хозяйев-собственников, но и увеличив расходы на их поддержку и создание специфической сельскохозяйственной инфраструктуры (элеваторов, зернохранилищ, складов, местных дорог и т.п.). Правда, расходы эти были далеки от растущих потребностей деревни: за 1908–1912 гг. они составили всего 310.9 млн руб. Вместе с тем все более ощущалось и прогрессивное влияние на состояние сельского хозяйства торгово-промышленной сферы (рост рынков сбыта и насаждение новых сельскохозяйственных культур, более широкое распространение контрактной системы с предоставлением кредитов, техническим и агрикультурным содействием, и т.п.).

Анализ состояния и тенденций развития российской экономики в начале XX в., представленный в докладной записке от 12 июля 1914 г. правительству Советом съездов представителей промышленности и торговли, достаточно ярко рисует ситуацию, сложившуюся в народном хозяйстве России накануне Первой мировой войны: «Страна переживает в настоящее время переходное состояние. В сельском хозяйстве, в самой системе земледпользования начался громадный переворот, результаты которого еще только намечаются, но не поддаются учету. В промышленности, после ряда лет кризиса и застоя, начался сильный подъем и оживление. Но в то же время выяснилось, что этот подъем недостаточен, что спрос на продукты промышленности в целом ряде отраслей растет быстрее предложения, и, неудовлетворенный внутренним производством, покрывается иностранным ввозом. Вместе с тем обнаружилось, что не только в промышленной области, но и в производстве сырья, поставщиком которого является, главным образом, сельское хозяйство, наблюдается недостаток, и ввоз хлопка, шерсти, сала, шелка и других продуктов растет в громадной прогрессии. С достаточной полнотой выяснилось, что только в годы высоких урожаев и высоких цен на хлеб, главный продукт нашего вывоза, страна обеспечена торговым балансом в нашу пользу, что при наличии громадной заграничной задолженности является необходимым условием устойчивости денежного обращения». Далее отмечалось, что торговый баланс за последние годы имеет тенденцию к уменьшению и что ситуация эта не поддается прогнозированию, так как «урожаи хлебов и технических культур дают картину постоянных колебаний вверх и вниз, совершенно неизвестных в других странах». Вместе с тем авторы записки выражали надежду, что в ближайшие 20–30 лет страну ждут крупные перемены и что условием достижения экономического успеха должно стать «предоставление широкого поприща личной инициативе и отсутствие ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности». По их сведениям,

за последние 3 года прилив капиталов в промышленность увеличился более чем на 1.5 млрд руб. Тем не менее, признав за сельским хозяйством приоритет в обеспечении устойчивости экономического развития страны, руководители крупнейшей предпринимательской организации вновь высказались за продолжение политики покровительства в отношении отечественной промышленности, «за твердую охрану таможенного тарифа», «не останавливаясь ни перед какими затруднениями и неудобствами»⁴³. Таким образом, конфликт интересов в важнейших отраслях экономики, наметившийся еще в царствование Александра II и получивший политико-экономическое обоснование при Александре III, не был исчерпан, что не могло не сказываться на здоровом, сбалансированном развитии народного хозяйства страны.

Примечания

¹ *Грегори П.* Поиск истины в исторических данных // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 478. Следует отметить, что эти расчеты вызвали возражения ряда специалистов, которые считают их завышенными (см.: *Бокарев Ю.П.* Еще раз о темпах роста промышленного производства в России // Отечественная история. 2006. № 1. С. 131–141). О дискуссионной ситуации, сложившейся в связи с разными методиками подсчетов, см.: *Бородкин Л.И.* Дореволюционная индустриализация и ее интерпретация // Экономическая история. Обзорение. Вып. 12. М., 2006. С. 184–200.

² Министерство финансов. 1904–1913 гг. СПб., 1914. С. 45.

³ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С. 222–234; Окончательно установленное при разработке переписи 1897 г. наличное население городов. СПб., 1905; Статистический ежегодник России. Пг., 1915; Города России в 1904 г. СПб., 1906; Ежегодник России. СПб., 1905.

⁴ *Погожев А.В.* Учет численности и состава рабочих в России. Материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 51.

⁵ *Хромов П.А.* Экономическое развитие России в XIX–XX вв. М., 1950. С. 19.

⁶ *Янсон Ю.Э.* Сравнительная статистика России и западноевропейских государств. Т. 2. Отд. 1. СПб., 1880. С. 273, 277, 284–285.

⁷ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. Вып. 3. СПб., 1902. Табл. 4. С. 44–45.

⁸ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1917. С. 2.

⁹ Сельское хозяйство России в XX в. Сборник статистико-экономических сведений за 1901–1922 гг. М., 1923. С. 89, 91, 170–173.

¹⁰ *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 19.

¹¹ Сборник статистико-экономических сведений... Пг., 1917. С. 61.

¹² *Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 34.

¹³ *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. Изд. 2. М., 1918. С. 48; Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914.

¹⁴ Статистические таблицы Российской империи за 1856 г. СПб., 1858. С. 220–221; Сборник статистико-экономических сведений... Пг., 1917. С. 237; *Яцунский В.К.* Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI в. до 1917 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 56–57.

¹⁵ *Янсон Ю.Э.* Указ. соч. Т. 2. Отд. 1. С. 273, 277, 284–285.

¹⁶ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1910. С. 42–43, 81.

¹⁷ Сборник статистико-экономических сведений... Пг., 1916. С. 58–59.

¹⁸ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1908. С. 84, 87.

¹⁹ Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 188, 190.

²⁰ *Китанина Т.М.* Хлебная торговля в России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 30.

²¹ *Огановский Н.П.* Сельское хозяйство, индустрия и рынок. М., 1924. С. 23; *Челинцев А.Н.* Перемены в хлебной продукции России в связи с общим развитием сельского хозяйства. Харьков, 1913. С. 6, 15.

- ²² *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 310; *Попов А.* Хлебофуражный баланс. 1840–1924 гг. // *Сельское хозяйство на путях восстановления.* М., 1925. С. 37
- ²³ *Сытин П.В.* О вздорожании жизни в России в 1900–1909 гг. и его причинах. М., 1913. С. 9.
- ²⁴ *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 23.
- ²⁵ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1909. С. 132; Пг., 1910. С. 155; Пг., 1914.
- ²⁶ Сборник статистико-экономических сведений... СПб., 1908. С. 48; Пг., 1917. С. 145; *Огановский Н.П.* Указ. соч. С. 40.
- ²⁷ См: Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. / Под ред. С.Н. Прокоповича. М., 1918. С. 78.
- ²⁸ *Измайлова Е.И.* Русское сельскохозяйственное машиностроение. М., 1920. С. 13.
- ²⁹ Сельское хозяйство России в XX в. С. 130.
- ³⁰ *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 410.
- ³¹ *Маслов С.* Возрождение России и крестьянство // *Крестьянская Россия.* Ч. II–III. Прага, 1923. С. 66.
- ³² Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 191–192; Рабочий класс России в 1907–1917 гг. М., 1982. С. 39, 42.
- ³³ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. Ч. I. СПб., 1903. С. 16, 249.
- ³⁴ *Анфимов А.М.* Крупное помещичье хозяйство Европейской России. М., 1969. С. 371. По данным «Комиссии Центра», эта цифра для губерний центральной России составляла 23 млн человек. Ряд исследователей считает, что эти расчеты чрезмерно завышены.
- ³⁵ *Хромов П.А.* Указ. соч. С. 472–475. Табл. 16.
- ³⁶ Там же. С. 253, 486–487.
- ³⁷ *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX вв. М., 1988. С. 20–21; *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 234.
- ³⁸ *Проскурякова Н.А.* Земельные банки в России. М., 2000. С. 260.
- ³⁹ *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 170.
- ⁴⁰ *Проскурякова Н.А.* Указ. соч. С. 271.
- ⁴¹ *Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М.* Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982. С. 116.
- ⁴² Опыт исчисления народного дохода... С. 72, 78.
- ⁴³ Докладная записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах к развитию производительных сил России и улучшению торгового баланса». Представлена правительству 12 июля 1914 г. Пг., 1914.

© 2011 г. **М. А. ДАВЫДОВ***

СТАТИСТИКА ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА В ХОДЕ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ (1907–1915 гг.)

Цель данной статьи – на основании официальной статистики землеустройства опровергнуть застарелое убеждение в том, что после 1911 г. Столыпинская аграрная реформа пошла на спад, а также разъяснить некоторые из ключевых особенностей реформы, игнорирование или неверная трактовка которых препятствуют адекватному ее восприятию.

В последние годы труды О.Г. Вронского, Н.А. Проскуряковой, Н.Л. Роголиной, В.Г. Тюкавкина, Э.М. Щагина и других исследователей во многом не только реабилитировали аграрные преобразования начала XX в., но и поставили их изучение на новый уровень¹. В частности, Тюкавкин убедительно продемонстрировал несостоятельность

* **Давыдов Михаил Абрамович**, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.